

18+

Ирина Ишимская

Прогулки по прошлому и настоящему

Рассказы. Эссе.

Ирина Ишимская

Прогулки по прошлому и настоящему. Рассказы. Эссе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62860517
ISBN 9785005162168*

Аннотация

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И
ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Мини-рассказы отражают мир
мистических откровений, простых наблюдений и услышанных
историй. «Ненаписанная повесть» – о том, как книга писалась и
не написалась, рассыпалась искаженными, как в цветном стекле,
образами и отголосками прошлого. Тема прогулок и поездок в
электричке подтолкнула автора к такому названию. Рисунки
автора. На обложке – картина художника Виктора Голубева.
Голубой ангел на картине – работа Ирины Ишимской.

Содержание

Прогулки по прошлому и настоящему	6
Встречи	7
Каша с вареньем	7
Одет небрежно	9
Попросил прощения	10
Сантехник	11
Она	15
Он	17
Встреча в кафе	18
Встреча на дороге	21
На дороге 2	23
Роботы инопланетные	25
Встреча с неизведанным	27
Встреча была	28
Параллель	29
Первая встреча с моим гуру	31
Встреча с поэзией	32
Стиральная машина	34
Встреча с Джокондой	35
Смерть Виктора Цоя	36
Ненаписанная повесть	38
Игра	54
Детство	55

Дом-замок	59
Мое Высшее «Я»	63
В зеркальном доме	64
Сон про человека в черном костюме	65
На работе	66
На работе	70
У дворника	71
На работе	73
Город из сна	74
А тогда	76
В странном зеркальном доме	81
На работе	84
Из дневника	86
Из дневника	87
Из дневника	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Прогулки по прошлому и настоящему Рассказы. Эссе Ирина Ишимская

© Ирина Ишимская, 2020

ISBN 978-5-0051-6216-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогулки по прошлому и настоящему

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и нестрашно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу...

Осип Мандельштам

Встречи

Мини-рассказы

Каша с вареньем

Ела сегодня манную кашу с вареньем. Оказывается – вкусно. Наши вкусы меняются. В детстве я такое сочетание ненавидела. И любила кашу соленую. А каша с вареньем – это привет от Юрия Гагарина.

Вчера с мамой разговаривала по телефону. Она мне сообщила, что Наташа мне принесет банку сливового варенья. Я:

– Мама, мне и это не съесть. Не нужно мне варенье. Сколько можно.

Мама:

– А ты не ешь с манной кашей? Очень вкусно. Мы всегда по утрам едим.

– Нет. Я не ем.

– Ну и зря.

И тут мама ударилась в воспоминания:

– Когда мы работали в Публичной научно-технической библиотеке в Москве, ходили в столовую рядом с Большим театром. И там часто вместе с нами обедали Юрий Гагарин и Герман Титов. Так вот, они всегда себе брали манную ка-

шу с вареньем и куриный бульон с яйцом. Я с тех пор тоже полюбила такую кашу. Очень вкусно.

Я удивилась:

– Мама, ты никогда мне не рассказывала, что видела Гагарина.

– А много ли мы общаемся. Да, видела Гагарина. Ну и что.

– Как он выглядел?

– Да обычный. Титов даже симпатичней его казался.

– Я приду, ты расскажешь.

– Да что там рассказывать. Вот всегда они брали кашу с вареньем и бульон с яйцом. Здоровая пища.

– Ну, сейчас бы они бульон не стали брать из наших жирных, наспигованных непонятно чем куриц.

– Да, их наколют всяким дерьмом. А те курицы, цыплята были синюшные. Одна кожа да кости.

И мама продолжала дальше говорить. Мама – тигр по гороскопу. Тигр любит командовать, но не любит подчиняться. У него большое творческое воображение. Тигр очень эгоистичный. Нельзя тигру наступать на хвост. И вот сейчас она сообщила, что читает Леви, что лучше Леви никого нет и что он пишет, что медитация – это тоже зависимость.

– Ладно, мама, читай Леви.

Я отключила телефон и подумала о том, что для двух взрослых мужчин-космонавтов такой обед уж слишком скромный.

Одет небрежно

Мамина знакомая, Екатерина Николаевна, в молодости была симпатичная девушка. Она сама врач. У нее сын врач, Григорий Анатольевич, и дочка мединститут закончила. Она как-то мне рассказала случай из своей жизни. Я обзавидовалась. Она сама из Вологды. И как-то приехала домой на каникулы. В автобусе (вот уж извините, куда автобус ехал, я не запомнила) рядом с ней сидел парень и всю дорогу читал свои стихи. Она потом только узнала, что это известный поэт. А тогда имя Николай Рубцов ей ничего не сказало. Я спрашивала у нее:

– Как вам стихи, как он сам?

– Стихи не произвели на меня особого впечатления. Он познакомиться со мной хотел. Но мне как-то не приглянулся, да и одет небрежно был.

Попросил прощения

Эту историю рассказывала мне моя сотрудница со слов своей прабабушки. А та, видимо, слышала от матери. Я уговаривала сотрудницу записать этот рассказ. Но она все равно не напишет. А мне и сам Бог велел. Мимо деревни, где жила ее прабабушка, проезжала свита. Царь Николай со своим окружением. Деревенские вышли смотреть и приветствовать царя. Но так получилось, что их собачка попала под колеса царской кареты. Николай II вышел, попросил у хозяина собачки прощения, еще раз извинился и дал рубль серебром.

Сантехник

Мы с мамой всегда конкурировали в творческом плане. Сейчас вот просится сюда небольшая зарисовка про сантехника. Вспомнилось вдруг. Это давно уже было. Помню, я тогда жила одна и очень мерзла. Батарея не грела. Я попросила маму побыть у меня и встретить сантехников. Она заявила: – У тебя тут твои картины везде висят. Я не буду позориться перед сантехниками.

Умеет же уколоть. «Позориться перед сантехниками». Они что, картины будут рассматривать. Они что, комитет или выставком какой-то. Им до моих картин дела нет. Нет, ну надо ж так сказать. Почему это поколение считает, что своих детей нужно обязательно принижать. Она, конечно, не позорится своими вышитыми подушечками, прихватками, стильными вязаными сумочками, шальями. У нее настоящее. А у меня – баловство одно. И еще гордится, что она этим зарабатывает.

Сумочки у нее, что говорить, замечательные. У меня четыре такие есть.

Помню, я тогда ей целую речь в уме составила про Роме-на Гари и даже хотела дать ей почитать отрывки из его романа «Обещание на рассвете». Как человека может зарядить на успех вера и любовь матери. Он был дважды лауреатом Гонкуровской премии (в 1956 году под именем Ромена Га-

ри и в 1975 под именем Эмиля Ажара). А дважды получить премию нельзя. Но он блестяще провернул эту литературную мистификацию.

Стал известным писателем, потому что на рассвете дал обещание своей матери оправдать ее надежды.

И вот этот текст из романа я хотела ей зачитать:

«Звоня и стуча в каждую дверь, она просила соседей выйти на лестничную площадку. Обменявшись с ними взаимными оскорблениями – здесь мать всегда одерживала верх, – она прижала меня к себе и, обращаясь к собравшимся, заявила гордо и во всеуслышанье – ее голос все еще звучит у меня в ушах:

– Грязные буржуазные твари! Вы не знаете, с кем имеете честь! Мой сын станет французским посланником, кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, Ибсеном, Габриеле Д'Аннунцио. Он...

Она запнулась, подыскивая самую верную характеристику наивысшей удачи в жизни, надеясь сразить их наповал

– Он будет одеваться по-лондонски!

Громкий смех «буржуазных тварей» до сих пор стоит у меня в ушах. Я краснею даже сейчас, вспоминая его, вижу насмешливые, злобные и презрительные лица – они не вызывают у меня отвращения: это обычные лица людей. Может быть, для ясности стоит заметить, что сегодня я Генеральный консул Франции, участник движения Сопротивления, кавалер ордена Почетного легиона, и если я не стал ни Иб-

сеном, ни Д'Аннунцио, то все же не грех было попробовать. И поверьте, одеваюсь по-лондонски. Я ненавижу английский крой, но у меня нет выбора».

Это я хотела прочитать своей маме. Да потом передумала, махнув рукой, бесполезно.

Пришлось брать хоздень и самой принимать сантехников. Пришел парень молодой.

– Ну что тут у вас?

– Батарея не греет. Мерзну очень.

Он посмотрел на батарею без всякого интереса, зато сразу же заметил картины и направился к ним.

– Вы художник? Я тоже рисую. Картины в галерее выставлю.

Я растаяла. Мы с ним нашли общий язык. Очень приятно побеседовали. Он сказал мне комплименты. Мне сантехник понравился. Блеск.

Потом он наконец подошел к батарее, немного постучал по ней молоточком и ушел. А я так и продолжала мерзнуть, пока не пришел настоящий сантехник, а не художник.

Она

Встречи разные бывают. Но эта вот встреча самая важная в моей жизни. Но дело в том, что я не знаю, как ее описать. Попробую. Но вряд ли получится передать то чувство. И сейчас, когда я пишу об этой встрече, мне почему-то хочется плакать. Я снова и снова вспоминаю тот эпизод, и он поддерживает меня. И странно, я не помню, в каком городе это было. Или в Новгороде, или в Ленинграде. Я вышла из кабинета врача в поликлинике и увидела ее. Она сидела на скамье в пол-оборота и разговаривала с какой-то женщиной. Как только я увидела ее, все внутри меня залилось счастьем. Сердце запело от радости. Я узнала ее мягкость. Как мне ее не хватало. Без ее мягкости и доброты этот мир был таким странным. Я узнала ее голос. Без этого голоса как я могла жить? И эти рыжеватые вьющиеся волосы. И эти знакомые до глубины души вибрации. Солнце, освещающее весь мир, снова и так внезапно появилось. А как без него было темно. В ней не было никаких изменений души в негативную сторону. Это была она. И мне сразу же захотелось броситься ей на шею, обнимать ее и плакать. Так велика была радость. Я так и сделала. Я рванулась к ней. Она сидела все в той же позе и как будто меня не замечала. Я застыла. Я искала в памяти ее имя и не находила. Я искала в уме какие-то определения этому глубинному знанию души и не могла найти.

Мой мозг выдал мне информацию, что он ее не знает. Это было так странно: зная ее до глубины души, я не знала ее. И она как будто не узнала меня. Я ушла. Да, я ушла. Но я унесла ее с собой.

Он

Я думала о нем. И давно его не видела. И вот однажды на работе я сидела на обслуживании читателей за столом. В двери появился он. Черты лица его. Но был без своего шарма и простоват. Стоял очень растерянно и не мог понять абсолютно, куда он попал. Будто бы приземлился, как путешественник во времени, или из другой параллельной жизни пришел. Быть его здесь не должно было определено. Я всматривалась в черты его лица. Он все стоял. Хотя прошли какие-то секунды. Наконец я голосом чиновника громко спросила: «Вы в библиотеку?». И добавила: «Проходите». Он словно бы пришел в себя, повернулся и вышел. А я все думала: «Он, не он?».

Встреча в кафе

Я ехала в электричке и читала Ричарда Баха. Его роман «Единственная». Я давно уже поняла, что если в дороге читаешь какую-то книгу, в тот вибрационный фон и попадаешь. Я зачиталась. В книге происходили чудеса. Менялась окружающая обстановка вдруг внезапно, героиня встречалась сама с собой. Но только та, другая, была из будущего или из прошлого. Ладожский вокзал тогда еще не был построен. Все электрички приходили на Московский. Я посмотрела в окно и увидела что-то странное. Это были не наши знакомые станции. Нависли какие-то высокие пути, причудливые провода. И увиденное так гармонировало с тем, что я читала, что я не особенно удивилась и приняла все как должное. Потом я поняла, что электричка пошла по ладожскому направлению, но пришла на Московский вокзал. Я ехала на Лито к писателям в Павловск. Они собирались в старинном, уже пошарпанном Дворце культуры. Больше всех мне нравилась Антонина. Она умная, талантливая и простая. «Гумер, кажется, к ней не равнодушен», – подумала я. Но вскоре перестала думать о писателях и засмотрелась на чугунные ворота. Здесь всегда вспоминается Анна Ахматова. Ее прекрасный стих:

Здорово сказано: «Не живешь, а ликуешь и бредишь иль совсем по-другому живешь». Я медленно шла по парку, на-

слаждаясь видами. Потом зашла в кафе, в которое мы обычно заходили с поэтессой Наташей Куликовой. Но в тот раз я была одна. Очень уютное кафе и лакомства вкусные. Я взяла себе пирожное корзиночку и кофе и устроилась за столиком. Вдруг слышу, кто-то спрашивает: «Ирина Львовна, вы какое пирожное будете?». Я удивилась. Сочетание моего имени и отчества довольно редкое. Я увидела, что это одна (не назову старушкой, дама почтенного возраста) обращается к другой. Я очень критично и внимательно оглядела Ирину Львовну. Волосы седые. Вид довольно интеллигентный. Если это я в будущем, то мне не очень понравилось, что она была не то чтобы полненькой, но довольно округлой. А я тогда была худой, как и сейчас, впрочем, хоть много лет прошло с того дня. Но, может, все еще впереди. Или это просто шутка Ричарда Баха.

Всё мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий

Бродит ветер, безлюдно рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915

Встреча на дороге

Вроде бы запас историй кончается. Нет. Вдруг в голове выявилась одна встреча, о которой я молчала. Да я и боялась об этом говорить. Ну их. От греха подальше. Но сейчас опишу кратко.

Я шла на работу в библиотеку, как обычно, подошла к переходу и увидела подъезжающий легковой автомобиль. Кажется, он был красный. В нем сидели три человека. Все в строгих черных костюмах, белых рубашках и черных очках. Я уже не помню точно. Но вроде бы мне показалось, что там была одна женщина среди мужчин. Она, может быть, была в жилетке. Я сразу же почувствовала, что это не люди. Они были как манекены. Сидели они очень прямо. Безупречность новой одежды и их статический вид, а также отсутствие земных вибраций – все это было так явно. И машина как-то ехала странно. Не в обычной бытовой суете. Я поняла, что они показываются мне. Зачем только. Хотят сделать какое-то предупреждение. Это было как наваждение, которое рассеялось моментально, и машина скрылась. Мне было не очень приятно. Я пришла в библиотеку с каким-то тяжелым чувством. Вскоре на работу принесли почту, и там был очередной номер нового журнала «Чудеса и приключения» И в нем я нашла статью под названием «Вежливые люди в черном», в которой говорилось об инопланетянах.

«Вот наиболее типичное описание визита людей в чёрном. Вскоре после наблюдения НЛО к свидетелю происшествия не раз наведывались гости. Обычно во время посещения очевидец находился дома один. Визитёры (как правило, они появлялись втроём) приезжали на большом чёрном «кадиллаке» старого производства. Если свидетель успевал записать номер машины, он всегда оказывался несуществующим.

Визитёры – почти всегда мужчины; лишь в нескольких случаях в их числе оказывалась женщина. Их наряд состоял из чёрных костюмов, шляп, галстуков, ботинок и носков, а также белых рубашек. Многие очевидцы отмечали безупречную чистоту одежды пришельцев, словно она была только что из магазина. Согласно описаниям, визитёры выглядели как иностранцы. У них были слегка раскосые глаза, кожу покрывал загар. Однако случались и экстравагантные штрихи: однажды человек в чёрном появился с яркой помадой на губах! Таинственные визитёры обычно неулыбчивы и невозмутимы, их движения угловаты. Манера поведения – официальная, лишённая каких-либо проявлений теплоты или дружелюбия, хотя и без откровенной враждебности. Свидетелям часто казалось, что это вообще не люди.

Иногда встреча превращалась в допрос, иногда заканчивалась простым предупреждением. Но всегда, даже задавая вопросы, визитёры сами располагали необходимой информацией. Все фразы они произносили абсолютно правильно и точно». Николай Непомнящий.

На дороге 2

От станции метро «Московская» до Пулково ходил автобус.

И сейчас, вероятно, ходит. Куда он денется. Я улетала в Крым.

Тогда мобильников еще не было. Был поздний вечер. Почти ночь.

Летняя ночь или осенняя. Не помню.

Так получилось, что автобус сломался на полпути, и водитель попросил пассажиров выйти и сказал, что автобус дальше не пойдет. Кто-то сразу поймал попутку.

Я вышла и поняла, что я одна на остановке, окруженной лесом.

Кругом темнота. Стою, жду следующего автобуса, и как-то неуютно.

Машины проносятся. Но не сплошным потоком, как сейчас бы было.

Вдруг вижу – по дороге бегут два абсолютно голых мальчика лет двенадцати. Бегут быстро, почти в такт друг другу, и видно, что они взволнованны.

Они как будто от кого-то скрывались. «Что случилось, кто вы?» – мне хотелось крикнуть. Да они все равно бы не услышали. И я этого не сделала.

И они продолжают дальше бежать в моей памяти. Немым

вопросом.

Мой самолет благополучно улетел вместе со мной.
А мальчики бегут.

Роботы инопланетные

Это было в Сестрорецке в лагере. Я там работала вожатой. Мы вели отряд по дороге парами. Впереди физрук. Я сзади замыкала цепочку. Налево огромное пшеничное поле. Вдруг я увидела, что ровное поле колосьев рассекают двое в скафандрах, и шли они, как роботы, четко и прямо и к своей цели. Колосья становились на место. И мы тоже пошли дальше, как роботы. Не остановились, не удивились. Вечером я зашла в палату мальчиков, и один кричал, что он видел инопланетян. Значит, мне не привиделось. Но я ничего не сказала и велела мальчикам спать.

Встреча с неизведанным

Это было в детстве. В раннем детстве. Мне было лет пять. Я часто оставалась одна и придавалась созерцанию. И вот однажды на меня накатило. От меня стало уходить мое «Я». Я почувствовала, как оно стремительно ускользает. И очень, очень испугалась. Это было так страшно. Помню, что я схватилась за голову и стала в панике произносить: «Я, Я, Я, Я...». И так я произносила, пока оно не встало на место. А зря. Говорят, что двери открываются только один раз. Но почему они открывались мне так рано? Всю оставшуюся жизнь я иду к этому состоянию через духовные практики, медитации, погружения, и мне его не достичь. И я думаю: «А что было бы, если бы я тогда не испугалась и отдалась этой волне?».

Встреча была

Эта встреча была. Хотите верьте, хотите – нет. Он шел, как будто летел. Шел наискосок по площади перед школой прямо передо мной. Он был красив неземной красотой и каким-то благородством нездешним. Я засмотрелась на него. На шее у него развивался узкий белый шелковый шарф. Так уверенно и так летяще никто здесь не ходит. Это был он, герой моего эзотерического романа Ромул. Но мне было неудобно рассматривать даже мной же созданного героя. Но встреча была. И я ее не забуду никогда.

Параллель

Мы с сестрой ехали в такси сзади за водителем. Она сопровождала меня в поликлинику. Моя нога была в гипсе. Когда машина завернула за угол двенадцатиэтажного дома, что напротив рынка, и проехала по дороге метров двенадцать, я в окошко увидела его. Стоит, улыбается, полная любезность. Что-то говорит. Сейчас раскланяется. Напротив него небольшого роста мужчина. Я его знаю. Работает на стадионе «Нефтяник». А раньше они, кажется, он говорил, работали вместе на ГРЭСе.

Нет, опять надел эту дурацкую старую шапку. Я ведь ему недавно новую кепку купила.

«Смотри, кто стоит», – показала я сестре в окошко.

– Муж твой, кто, – ответила она недовольно, не стесняясь водителя. – У него ведь много времени, можно и улыбаться, и с друзьями болтать. Она хотела сказать, что мог бы и он со мной съездить к врачу. Я собралась помахать в окошко рукой, но машина поехала быстрее, и я уже не видела этих двоих.

Когда я вернулась, он был дома.

– Ты опять носишь эту страшную шапку, – сказала я ему. – Я ее выкину, ведь тебе новая кепка куплена.

– Когда я носил? – спросил он удивленно.

– Я видела тебя утром в окошко машины, ты стоял с этим

мужчиной маленького роста из «Нефтяника». Его, кажется, Василий зовут. И ты был в старой шапке.

– Ты заболела? – он возмутился очень неподдельно. – Я сегодня целый день ходил в кепке.

Я стала описывать ему место, где мы его видели. Он еще раз повторил:

– Я сегодня целый день ходил в кепке, в той стороне вообще не был, шапку не надевал, а с эти мужчиной мы встречались неделю назад, и стояли мы ближе к рынку.

– Сестра может подтвердить. Она тоже тебя видела.

– Вы с сестрой обе больные...

Я позвонила сестре:

– Вова говорит, что он сегодня не встречался с этим мужчиной и там не был, где мы его видели.

Она закричала:

– Вы с ним оба больные, это он был! – и отключила телефон.

«Это параллель, – дошло до меня. – Ну и дела».

Первая встреча с моим гуру

Передо мной на потолке, как на картинке, появилась прекрасная девушка. Сидела она в позе лотоса и мне улыбалась. Я открыла глаза и стала обдумывать увиденное, лежа в постели: «Кто она такая? Какая-то индианка. Ну до чего же красивое видение!».

Примерно через неделю мы с моим приятелем Гришей, питерским писателем, шли по улочке новгородской и увидели афишу. Он остановился перед ней и иронически произнес: «Ну, вот как, оказывается, все просто, пришел и получил самореализацию». А я взглянула на портрет девушки и застыла. Это была она, та индианка из моего видения. Я пришла и получила самореализацию. На афише был помещен портрет Шри Матаджи в юности.

Встреча с поэзией

Я во втором классе открыла зеленый томик наугад и прочла: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана». Сладость этой строчки заставила мой дух замереть. Было в ней какое-то непередаваемое таинство. И хотелось ее повторять вновь и вновь. Я тогда не понимала. Я только ощущала. Сейчас я пытаюсь понять. В чем оно? В этих строчках есть какое-то расширение. Когда ты произносишь: «Москва, спаленная пожаром». Внутрь тебя что-то расширяется. Доходит по груди до горла. Это расширяется простор России. И он захватывает французов. Доводит их до Смоленска. Засыпает сладкими снегами. Далеко-далеко. А начинается все с пожара. «Москва, спаленная пожаром». Невиданная мощь. В этой строчке поместилось все. И вдруг поэт превращает расширение в бросок – «француз у отдана». Волшебство. Мое толкование, может быть, неверно. Да настоящую поэзию и невозможно толковать.

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!

В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
М. Лермонтов.

Стиральная машина

На активации узнала, что раньше, как творцы и боги, мы обладали многими способностями и могли даже оживлять неживые предметы. Сейчас эти способности мы можем вернуть. Но не стоит предметы оживлять. Что мы будем делать с ожившим столом, например? И я вспомнила свою историю про стиральную машину. У меня была стиральная машина. Я ее очень любила и была ей благодарна. Я дала ей имя. Я с ней разговаривала. А тогда я читала про неправильные вознесения и возгорания тела. И однажды машина загорелась у меня на глазах. Она хотела соединиться с духом – я так подумала. Со следующей машиной я уже не разговаривала, чтобы такое еще раз не произошло. Я старалась с ней общаться как с машиной, а не как с живым существом. Вспомнилось.

Встреча с Джокондой

Вот сейчас, когда я пишу этот текст, на стене передо мной висит репродукция Джоконды Леонардо. Леонардо можно было и не писать, и так ясно. И я задумалась, какие же еще встречи мне описать. Да что я думаю. Вот она. Моя встреча с Джокондой в Лувре. Помню, что народу было много, и все щелкали фотоаппаратами и мобильниками, несмотря на надпись «не фотографировать».

Но это в стиле французов писать некоторые запреты только для того, чтобы подстегнуть интерес. Я стояла за толпой и смотрела на нее. И помню ощущение некоторого холодка. Это не было любованием картиной или что-то еще. Она смотрела прямо мне в глаза. Я отошла в другой угол, и она перевела свой взгляд на меня. И куда бы я ни перемещалась по залу, она неотступно следила за мной.

Когда мы с моим мужем скульптором в следующий раз приехали в Париж и сидели в Лувре в кафе, я спросила у него:

– Ты пойдешь посмотреть Джоконду?

Он ответил:

– На хрен она мне нужна, дура набитая, я пойду посмотреть скульптуру.

Я тоже решила не ходить. Хотя она и зазывала очень усиленно стрелочками и указателями.

Смерть Виктора Цоя

15-го августа 1990 года погиб Виктор Цой. Я тогда как молодой специалист работала в Новгородской областной библиотеке и иногда на обеде поднималась в читальный зал просматривать новые журналы. Может быть, это было не в самый день смерти, а немного позже. Я открыла журнал «Юность» и в нижней колонке прочитала небольшую заметку, в которой Цой рассказывал о своей смерти. Не могу передать дословно и, может быть, спутаю слова. Но смысл я точно передам. Примерно вот так было написано:

« – Я ехал на рыбалку в Юрмале. Хорошо, что сына не взял с собой, как будто предчувствовал. Перед машиной стоял мой друг, с которым мы вместе воевали на стороне черных против белых. Я остановил машину и, догадавшись сразу, спросил у него:

– Я погиб?

Он подтвердил:

– Да.

– Сколько у меня осталось времени?

– Очень мало.

Я опустил голову на руль, и вскоре машина врезалась в Икарус».

Я как-то сразу поверила этой информации. С чего бы Виктору Цою вдруг взять и заснуть за рулем. И то, что он вое-

вал на стороне черных, – все сходилось. Он любил одеваться в черное. Я не запомнила, кто это написал. Через какое-то время я захотела еще раз прочитать эту заметку, пошла в читальный зал и стала листать журнал. Все перерыла, но нигде ее так и не нашла. И уже через много лет в библиотеке в Киришах, где я работала, я просматривала в запаснике старые журналы «Юность» за 90-й год и этой маленькой колонки текста опять не находила.

Значит, он жил сразу на двух планах. Если умер в одном измерении, то должен был умереть и в другом.

Очень похоже на правду.

Ненаписанная повесть

Утро. В электричке читала книгу Барбары Марсиньяк «Земля».

Народу было не очень много. Я с интересом углубилась в чтение.

«Представители Семьи Света вышли за пределы законов трехмерного мира – в новое измерение, расшифровывая кодировку данной возможности в своем сознании. У многих из вас могут быть ощущения, что вы чем-то подобным уже занимались. И это действительно так. В вас срабатывает память множественности измерений, когда вы внедрялись в иные системы и занимались подобного рода деятельностью. Для вас данный процесс знаком до боли, так как именно данная черта характеризует вас как Представителей Семьи Света. Вы информируете системы. Вы входите в реальности и перестраиваете их. И вы являетесь экспертами, профессионалами своего дела. Придя на данную планету, вы потеряли память об этом процессе, чтобы действовать в пределах законов, которым подчиняются все остальные. Таким образом, став людьми, вы как бы стерли свою память».

Я посмотрела в окно. Знакомые с детства станции мелькали в лучах пробуждающегося солнца. Народу в электричке было мало. И я опять углубилась в чтение.

«У Мастеров игры есть своя профессия. Она заключается

в том, чтобы создавать свои реальности, затем внедрять данные реальности в качестве форм жизни на различных планетах. Мастера Игры собираются вместе так же, как вы собираетесь для игры в мяч или в карты, только их игра – создание новых цивилизаций».

Я подумала: «Какое совпадение. Переделанная повесть, которую я везу показать своему другу, называется „Игра“». А почему мне в голову пришло это название? Героиня повести наблюдает за происходящим как бы со стороны. Но получается, что играют ей. Она еще не мастер. Пока наблюдатель. Потом она охватывает явление во множестве измерений и пытается осознать его.

Я задумалась о том, что работа и суета в моей жизни не дают мне расслабиться. Ничего не успеваю. Электричка до Обухова. Я вышла на Рыбацком. Иду в толпе к пропускным турникетам, даже как-то уныло. Вижу перед собой спину широкоплечего молодого человека. На его футболке написано: «Работаешь – жизни нет. Не работаешь – жить не на что». Как это верно! Я даже засмеялась. Вот тема сегодняшней встречи. Вообще-то я по делу. Финскую визу оформлять, на Марата номер пять. Договорились встретиться с другом А. Он вопреки своей болезни едет сюда, на встречу со мной. Вышла на Маяковской на выход направо, на Марата. Внутри его не увидела. На улице стоят сторожащие страховщики. Сразу же хватают за рукав. Конкуренция. За меня ухватила женщина средних лет в плаще. Пер-

вая у входа.

– Вам страховка нужна?

– Да, нужна, но сейчас я занята. Попозже.

– Вы ждете кого-то?

– Да, я друга жду.

– Как дождетесь, подходите...

– Хорошо.

Постояла у железной ограды, посмотрела на мчащиеся машины. Обычно он не опаздывает. Или не захотел больной идти? Зашла внутрь метро. Позвонила. Мобильник не отвечает. Странно. Стала ходить по улице мимо хватающих страховщиков. Каждому нужно отказывать. Звоню опять. Молчание. Если не отвечает, значит, передумал. Да, он же болен. Вот манера – взять и отключить телефон. Ведь списались (заимствованное слово). Уже одиннадцатый час. Придется идти одной. Я прислонилась к трубе и стала рассматривать нанимателей клиентов. Кого я выберу? Вот эту полную женщину с микрофоном? Или молодого человека? Нет. Еще немного подожду и подойду к первой. Но что это? За ней знакомая зеленая куртка. Он. Смотрит. Улыбается. Вчера нашла его старое письмо ко мне в Новгород из Калуги. И там пишет: «Здравствуй, любезная Ирина Львовна! Начну с сетования: как могла ты подумать, что я не напишу. О, горе мне, горе. Неужели я мог дать повод для подобных опасений...». Такой изысканный слог.

Это писалось много лет назад. Как могла я подумать, что

он не придет. Подошли друг к другу. Обнялись по-дружески на виду у страховщиков. Он всегда так делает. Давно не виделись. Дырка на джинсах сзади и спереди смотрятся по моде. Но у него они не сделанные, а просто проношенные брюки. А какая разница?

– Как дела?

– Плохо.

На верхних и на нижних губах засохшие пятна крови. Запекшаяся кровь. Может быть, порезался, когда брился.

– Что это?

Горестно:

– Аллергия.

– Да?

Я знаю, что у него аллергия от полыни, но если на лице стало сыпать, это уже совсем плохо. Бедный.

– А у меня сердце.

– Ой-ой-ой...

Но больными и немощными мы побыли совсем мало. Тут же превратились в жаждущих впечатлений шаловливых детей.

Когда меня спрашивают: «Что ты находишь в нем?». Я не могу объяснить. Но думаю, главное – это умение оторваться от реальности. Хотя ему и отрываться не нужно. Его реальность совсем не такая, как у всех. Для других – это не реальность. С некоторыми мне стало неинтересно. Их рассудок всегда держится за нить своего быта, жизни. И так многие

люди, почти все. А с ним можно общаться, смеяться и быть «свободными, веселыми и пьяными», пьяными от стихов, от воздуха, от замечания мелочей, от слов, от переходов с одного языка на другой. Я-то языки плохо знаю. В этом смысле я его ученик. Мы алкоголь не переносим. В крови его много. Это у нас с ним общее. А что различное? Много, очень много. Почти все. И на это «все» натыкаешься, как на пни. Я считаю, что всякая тусовка плоха. А он дышит этим и прославляет. Хотя его проза похожа на этот город. Он повел меня уверенно мимо всех этих людей. К нам привязался молодой человек и шел в ногу с нами, не отставая.

– Вам нужна страховка?

А. его отстранил:

– Нет.

– Наша фирма совсем не далеко. Вон там на углу. Вы визу хотите оформлять?

– Нет, нет.

Если он так отвечает, значит, ему виднее.

Но молодой человек не унимался и не хотел нас отпускать.

– Пойдемте со мной.

– А где ваша фирма? – я спросила только для того, чтобы что-то сказать.

– Вон. Дом семь.

Мы уже входили в помещение под аркой.

– Так у вас свой кто-то есть? – его голос совсем озлобился.

Но мы его уже не слышали. И зашли в офис. Прошли ми-

мо одной комнаты в другую. Там за двумя столами, стоящими перпендикулярно, и за компьютерами сидели две женщины.

– Можно у вас страховку оформить?

Я села напротив миловидной и внимательной дамы за столом. А. устроился со мной рядом на стуле. Подсказывал. Спрашивающая задавала много вопросов мне и сама заполняла анкету в компьютере. А вторая за перпендикулярным столом стала спрашивать А. Видимо, он в ней разбудил любопытство.

– Да мне виза не нужна. У меня уже есть.

Но она спросила его фамилию и стала искать в компьютере.

– А кто вам делал пакет документов? Не наши конкуренты?

– Вот тут у вас и делал. Молодой человек со мной занимался. Он похож на балетного танцора.

Женщины засмеялись. Отдав мои документы в современном стеклянном здании, визовом центре, отправились на проспект Ветеранов по местам моей юности. А потом планировалось поехать в Петергоф. Здесь тогда «являться муза стала мне» в виде осени. И я вспоминала эти стихи, чтобы восстановить то состояние.

«Торговки украсили лавки пьянящим потоком цветов». Вышли из метро «Проспект ветеранов». И опять поток цветов.

Дорога на улицу летчика Пилютова. Снимала на планшет из окна троллейбуса. Сколько раз раньше отсюда ездила на работу. А сейчас все изменилось. Поймала в кадр девушку, которая роется в сумочке. Находка.

Вышли из автобуса. Вот магазин. А вот этот дом. Огромная двенадцатиэтажка. А тогда это было все женское общежитие. Внизу вахтер сидела. Нас привезли сюда на автобусе группой. Восемь месяцев отучившихся лаборантов. Распределили по квартирам. Я попала в двухкомнатную квартиру. В одну комнату поместили трех приехавших со мной девушек. Две из них были Вологодские. А я поселилась в комнату рядом. В ней уже жила Аня. Она из Мордовии. Ей тогда было 28 лет. А нам всем по 18. Я рада была, что вырвалась из родительского дома. Мама моя сидела внизу на вахте и плакала. Дочь отдает в неизвестность. А что плакать? Каждые выходные буду ездить домой на электричке. Подумаешь! Мне бы поскорее поступить в университет. Уже начну готовиться.

Собака залаяла. Воспоминания. Перенеслась в то время.

В маленькой кладовке в коридоре я нашла сборник стихов неизвестного мне поэта. Кто-то оставил из жильцов до меня. Обложка белая, рифленая. Засмотрелась на фотографию. Глаза большие. Выразительные. Прочитала один стих. Не очень понравился. Прочитала второй, третий. Там о любви. Это лучше. Книгу взяла себе. Вот бы обо мне кто-нибудь так написал.

Утром встаем рано. Полчаса нужно трястись на троллейбусе, переполненном в час пик, и потом пятнадцать минут на метро. В лаборатории физико-механических испытаний одной из комнат третьего этажа здания ЦЗЛ я работаю. Рабочий день начинается с того, что нам из цехов приносят шины. Мы их разрезаем большим острым ножом. Потом ставим на них железную формочку, придавливаем прессом и получаем одинаковые образцы, которые нужно затем собрать в стопочку, пересесть на вертящийся стул на высокой платформе, закрепить образцы двумя концами в щипцы на стержне, нажать на кнопку, резина начнет растягиваться и, наконец, порвется. Наша задача – зафиксировать место разрыва, занести показания в тетрадь. И потом делать расчеты логарифмической линейкой. Есть еще истирание кружков. Но это уже на другой машине. Работа нудная. За окном солнце. Молодость. Моя мечта поступить в университет. Я готовлюсь. Учебники читаю. Я общаюсь с Пушкиным, с Блоком. Самое важное событие – это мой разговор с Анной Ахматовой. Она мне прочитала свой стих, нигде не напечатанный. Прекрасный! Я его забыла. Глупая, все потеряла. Это была безграничная радость. Но как об этом расскажешь?

Зачем я привезла сюда А.? Он уже заскучал. У меня чувство вины проснулось. Отняла у него время. Стою перед домом, как в застывшем состоянии. Время. Оно проходит через меня. Опять прошлое.

Показания уже занесены в тетрадку. Все подсчитано.

Спускаюсь с подиума. Моя очередь сегодня в цех идти за молоком для всех сотрудников. На рабочий халат надеваю фуфайку, косынку на голову повязываю и иду в царство грома, запаха. В цехах темнота, грязь, жуть. Как будто все это происходит до революции.

«Они пойдут и разбредутся, навалят на спину кули. А в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели». Вспоминаются стихи А. Блока. Люди ходят белые и черные. Все в ядовитой пыли. За вредность дают молоко. Но разве оно спасет от такого отравления? Больше всего мне нравится здесь библиотека. В местной газете постоянно печатают викторины о Пушкине. Потом подводят итоги и награждают победителей большими красивыми собраниями сочинений. Впрочем, он всегда со мной. Его томик избранного я ношу с собой на работу. Прячу от заведующей. И часто в него заглядываю. Он помогает мне жить. Без него нельзя.

«Поэты все еб***е», – это про меня так говорили в той рабочей среде. А я была тогда поэтом. Страдала, но была. А сейчас я не поэт. Тогда я не умела писать стихи. А сейчас умею вроде бы. Но я сейчас не поэт. Поэтом нужно быть.

Хотя б за то, что я поэт,
Меня услышьте в мире этом.
За то, что здесь меня в нем нет,
Вы не торопитесь с ответом?
Хотя б за то, что я поэт...
Иль это стало так обычно —

Поэт с поэтом, как сосед
В тюрьме. А вместе – неприлично?
Все это ложь. Я не поэт.
Душа идет своей дорогой.
За то, что здесь меня в нем нет,
Меня вы вспомните немного.
Я не поэт. И весь секрет.
В развоплощении поэта.
В траву, в звезду и в то, что нет
Меня во мне. А много света.

А кто я сейчас? Это я пытаюсь осознать. У Барбары Мар-
синьяк прочитала: «Являясь представителем Семьи Света,
вы обладаете возможностью изменять окружающую вас ре-
альность». Еще там говорится, что мы Мастера Игры. Нам
необходимо танцевать под ту мелодию, которую мы когда-то
сами себе сочинили.

Я опять углубилась в прошлое.

Я завидую заводским библиотекарям. Они работают в та-
ком прекрасном месте, пусть книги все в пыли, в грязи.
Но зато книги. Это потом уже эгрегор библиотек меня за-
хватит. Я запутаюсь в его разноплановых коридорах и буду
искать выход из лабиринтов и наслоений разных вариантно-
стей книжных комнат. Это потом уже мне станут сниться
библиотечные кошмары. А сейчас в этом начале жизни я хо-
чу в него попасть. У дверей библиотеки я увидела на стене
яркую афишу. В литературное объединение набирает учени-

ков поэт. Начало занятий сегодня в 18 часов 30 минут в заводском Доме культуры. Я удивилась. Фамилия поэта та же, что и на найденном мной в своем общежитии три дня назад сборнике стихов. И один из этих стихов все еще вертится у меня в голове. Эти завораживающие все-таки строчки. Сегодня вечером пойду. Я давно хотела попасть куда-нибудь в объединение.

За час до окончания рабочего дня долго моемся в душе. Сажа проникла во все поры. Я оттирала пальцы мочалкой и все равно не отмыла. После работы пошла с сеткой, в которой торчали пакеты с молоком треугольные. Шла медленно. Время есть. Я заканчиваю работу в 17 часов. Завернула на Обводный канал, перешла через мостик и вскоре оказалась перед зданием ДК. А внутри мне очень понравилось. Атмосфера старины. Села у двери на стул и стала вслушиваться в звуки и голоса. Откуда-то доносилась музыка. Где-то танцевали дети. Он появился в проходе, спустился по лестнице сверху. Небольшого роста. Стильно одет. Подтянут. Движенья легкие, артистичные. Глаза огромные, темные. Очень красив. Хоть и в возрасте уже. Лет сорок с лишним. Сорок четыре – потом узнала. А мне-то что. Он же не Пушкин. Присел рядом.

– Вы ко мне?

– Да!

Осмотрел внимательно сетку с торчащими пакетами молока. Мне стало неудобно. И грязные пальцы, наверное, за-

метил. Я сетку задвинула подальше. Наш разговор длился недолго. Спросил, работаю ли я, учусь ли. Что-то еще. Я старалась улыбаться. Потом удалился. Я заметила, что зашел в туалет. Когда вышел, глаза его сияли еще больше. Как будто кто-то влил в них сверкание.

Опять подошел, опять спросил, что я читаю.

– Да так, ничего.

Я закрыла и спрятала книгу в мягкой обложке.

– Ну покажите.

Я показала.

– О, хорошая книга!

Оценил мой вкус.

Аксаков. «Детские годы Багрова-внука».

Он открыл дверь в маленькую комнатку и пригласил меня войти.

Большой круглый стол. Вокруг него стулья. По бокам стоят диванчики. Поэт сел на один конец стола. Я – на другой.

Я пришла первая на только что открывшееся в этом ДК ЛИТО. Потом начали собираться другие люди. Я смотрела на них с большим вниманием. Симпатичный молодой человек, полурабочий, полуинтеллигент. Как потом оказалось, работает печником. Фигура временная. Он потом быстро нас покинул. С большим лбом, как потом выяснилось, – врач. Зашел в строгом костюме мужчина лет тридцати. Скромный, стеснительный. Немного похож на Булгакова. Сел в уголке. Это фигура главная. Я комментирую из будущего. Ста-

нет старостой. У человека-поэта он будет как Гольденвейзер у Толстого. Напишет записки – «Прогулки с мэтром», запомнит все разговоры, выложит в строгой последовательности слова. Книга получится непредвзятая и искренняя. Но в своей искренности эта книга станет скорее обвинительной, если читать ее внимательно. Я сейчас ее читаю. Но он совершит ошибку, издаст ее при жизни мэтра и станет врагом номер 1. Катастрофа отношений. Бедный. Даже на суд будет вызываем. Но отправимся в сейчас тогда. Вот он сидит скромно, никому не известный. Зашел с бородкой фронт, интеллигент, как из «Башни» Вячеслава Иванова. Поэта знает. Поздоровался за руку. Старостой он побудет недолго. Мне запомнится его стихотворение про памятник Екатерине. Смысл такой – Екатерина в окружении любовников. А он проходит один. Помню только последнюю строчку стиха: «И любовник я ничей».

Простая женщина-болтушка, которая рассказывала про свой сад. Я буду звать ее садовница. Ее миссия попасть в мою прозу ненадолго и уйти. А что моя частичка? Сидит как дурра, пялится. Думает: «Меня отсюда выгонят, здесь все такие умные, вот бы здесь остаться». Когда стали представляться, она заявила, что ее любимый поэт – Евгений Евтушенко. Чем очень разочаровала человека-поэта. Дурной вкус. Очень дурной. Она это поняла по его глазам. А потом он Евтушенко просто уничтожил. Прочитала слащавое стихотворение про Маяковского. Что-то там было про Лилечку. Это ему тоже

не понравилось. Я не знала тогда, что Лиля Брик была его подругой. Асеев познакомил молодого поэта с уже пожилой любовью Маяковского. Но когда стали выбирать старосту, он спросил у моей частички, не хочет ли она быть старостой? Она отказалась в страхе. Тогда она отбрасывала все возможности. И старостой стал мужчина с бородкой, ничей любовник, женатый, между прочим, как сообщила мне потом садовница.

Пролетел самолет.

– Отсюда недалеко Пулково.

– Ира, что с тобой, почему ты застыла? – мой друг напомнил о себе.

Мой друг, одна из главных фигур. Он еще там не появился. Он появится только через четыре или пять лет, не помню точно. А сейчас он учится в Москве на переводчика военного. Провожатый в коридоры больницы. В тонких планах – провожатый по лабиринтам вымышленной реальности. Приедет из Москвы, после нескольких лет военной службы скинет с себя военный мундир и окунется в свободную жизнь. Будет носить разную экстравагантную одежду. В основном – с чужого плеча. Это он тоже опишет. С чьего плеча одежда.

Прошла женщина с коляской мимо нас. А я действительно застыла. Не могу уловить то. А это совсем не то. Как так? Я вот пришла к Ане и не могу вспомнить номер квартиры, где я жила. А неплохо было бы зайти.

Пошли спускаться к парку мимо небольших трехэтажных

домиков. Как разрослось военное училище. Там даже и церковь отстроили. Прочитала из Мандельштама:

Я скажу тебе с последней

Прямотой:

Все лишь бредни – шерри-бренди, —

Ангел мой.

Там, где эллину сияла

Красота,

Мне из черных дыр зияла

Срамота.

Мир наш многоплановый. Планов реальности, на которые разделена человеческая форма, 36. Оказывается, человеческое существо творит одновременно в 16 параллельных планах. Первые восемь относятся к сознательным, остальные – к бессознательным. У каждого плана есть свои подпланы, где тоже испытывается свой жизненный опыт. Души, поднимаясь, переходя на следующий уровень более высших измерений, начинают восстанавливать свою духовную суть, т. е. собирать свои отколовшиеся частички во время падения в низшие слои. Это трудно. Ведь душа, как зеркало, раскололась на осколки. И те осколки, которые удалось найти, в свою очередь, тоже раскололись. Кроме того, есть еще и брокеры, те, кто ворует наши чакры, записи. Процесс выявления всего очень сложный. Чем я сейчас и занимаюсь. А когда ты находишь их, свои фрагменты, нужно еще и принять с их реальностью.

Ко мне пришла одна частичка и принесла с собой свои записи, которые она называет романом. От романа там мало, конечно. Но вот ведь и она тоже старалась, собирая себя. Сели на скамейку возле парка. Я достала листки из моего романа, написанного давно, и дала читать другу.

Осень

Душу ошпарила красными листьями,
Кинув в пруды-зеркала,
Чем-то пленяла и чем-то возвысила,
Чем-то к себе позвала.
Сердце вскружила дыханием ласковым,
Тронула пальцами ветра.
Милая, добрая, вечно прекрасная,
Даже прекрасней, чем лето.

Игра

Я лихорадочно и рассеянно собираюсь в дорогу. Мама помогает мне, а сестра вертится рядом.

– Мама, куда ты положила мои тетради? Я же не успею. До электрички осталось десять минут.

Мы все перемещаемся по комнате и продолжаем разговаривать. Сестра рассказывает о чем-то своем. Мне уже некогда слушать. Я бегу через площадь, бегу быстрее, бегу изо всей силы к электричке, на которую не опоздаю даже при всем своем желании, успею уехать от своих родных. Я вернусь, но неизвестно когда. Может быть, через века, тысячелетия, а может быть, завтра. И всякий раз возвращаюсь в эту семью. Пространство смещается на какие-то градусы. Все по-другому и все знакомо. Разные параллельные миры, разная обстановка. Но люди все те же.

Детство

В наш городок мама меня привезла из мира ангелов, что являлись в образе цветов. Не я наклонялась к ним, а они ко мне. Я только пришла оттуда, и мы говорили на одном языке. Мир ангелов находился в далеком сибирском городе Ишиме. Я жила там с двумя бабушками. Моя любимая прабабушка Анна с голубыми глазами поредевшие волосы завязывала в косичку и закалывала так, что видно было торчащие уши. Поверх она надевала белый платок. Мне казалось, что моя няня должна жить вечно, вечно ходить по дорожкам сада, доставать конфеты из полотняного мешка, висящего на стене, шутить, петь песни и частушки, рассказывать сказки Пушкина. Бабушка Настя уходила на работу. Я сидела в тишине и смотрела, как двигается гиря на цепочке стенных часов. Я мечтала о той далекой, которая приезжает иногда, привозит красивые коробки с конфетами, веселится, строит рожицы. Мне было бесконечно счастливо осознавать, что это создание, предмет всех моих мечтаний – моя мама. Помню – в мире ангелов кто-то постучал в окошко. Бабушки переполошились, выбежали на улицу и привели чудище, которое стало плясать, а потом сняло маску и превратилось в маму. Потом мама привезла Тибра. Я ползала по его загорелой спине. В лесу мы собирали землянику с моим новым отцом и моей мамой. Когда моя бабушка Настя сказала, что

у меня будет отчество Тибровна, я прыгала, произносила его и смеялась. Я не могу сейчас вспомнить, где я была до того, как оказалась в мире цветов, но постоянно на память приходит одна картина – море, открытая терраса, колонны, кипарисы, а дальше ничего не вспоминается. Когда, зачем я вошла в этот коридор? Все полетело вверх тормашками, но играя в игру, я не стала придавать этому значения. В городке нефтяников мне было душно без деревьев, травы и цветов, плохо без двух бабушек, но детское воображение быстро превратило водопроводную трубу в священный водопад, валяющиеся камни вокруг – в синие скалы и создало семь волшебников по названиям цветов.

Родившись, маленькая Полина все время плакала, и этот плач вселял в меня беспокойство. Не в том дело, что я не сказала ей: Дитя, сестра моя, уедем в те края, где мы с тобой не разлучаться сможем. Дело в том, что я была уверена, что она все равно не услышит меня. Мама всегда играла. Играл Тибр. Он играл в длинные нераспутывающиеся игры, от одного соприкосновения с воздухом которых становилось страшно. В пять лет душа моя была открыта для любви. Как-то я ела варенье из блюдца, и одна капля упала на пол. Мой отчим так разозлился, что сказал: Вот, подлизывай теперь. Я наклонилась и подлизала с пола эту каплю. Тибр испугался: Что, я же просто так сказал. Он погладил меня по голове, но с этого момента все полетело в пропасть. « » « » « »

Душу мою наполняли два пятна – пятно на потолке. Оно

сверкало и переливалось разноцветными горошинами. И однажды я увидела таинство превращения его в тысячелепестковый лотос, что появился на потолке. Удивительный, маленький, он рос все больше и больше. Наконец превратился в огромный, затрепетал лепестками и наполнил музыкой всю квартиру. Но тут в комнату вошел Тибр, и чудо исчезло. Но это пятнышко варенья, упавшее на пол, разрасталось медленно, тягуче и с годами превратилось в большое пятно неприязни.

Уже была брошена первая вещь, разорвана первая рубашка. Мама часто плакала. Я же открыла не ту дверь. Но прошла и ничего не заметила. В полиэтиленовом пакете я носила папки, маленькие тетради, блокноты, карандаши. Мне доставляло большое удовольствие смотреть на них, перелистывать страницы. Хотя туда ничего не записывалось, они были неотъемлемой, а может быть, и главной частью игры. Во время поклонения сосне или водопаду мешок с тетрадями обязательно лежал в маленькой сумочке. На ходу я придумывала разные истории, стишки. В первом классе обрабатывающей школы имени Станы Стралия я сочинила несколько стихов. Мама устроила вечер в библиотеке, где она работала, и включила меня в программу. Сочинительница приготовилась выступать, но когда объявили выход, так испугалась, что спряталась за стеллажи и беззвучно плакала. Там сидели мальчики из моего класса. Ведущей пришлось самой прочесть то, что я сочинила, а мальчики удивлялись и дол-

го хлопали.

Я часто вспоминала сад, ангелов, моих бабушек.

Утром проснешься и бежишь по теплой земле к бочке с водой.

Открываешь кран и любишь это утро, эту воду и землю.

В городе К., куда привезла меня мама, потом на меня на-
ходили странные состояния.

Зачем мы сюда приехали с другом. Я не помню номер
квартиры. Позвонила бы сейчас. Да память подвела.

Дом стоит длинный перпендикулярно этой девятиэтажке.
Все обжитое и в зелени крупных деревьев. А тогда он только
строился. Я смотрела зимним вечером на искры от сварки
из окна кухни и слышала в голове приходящие строки сти-
хотворения:

Все молчите. Все потом.

Кто-то где-то строит дом.

Искры красные летят.

Город тайною объят.

Занесенные ступени. Синь окна.

И прохожие, как тени, и луна...

И не плакать. И довольно.

Просто вечер. Просто больно.

Дом-замок

Я сижу на стуле, опустив голову в руки, и чувствую, что меня нет, а мое Я превратилось в фигурку, что ходит поблизости. Голова тяжелеет, растёт, становится огромных размеров, и какой-то внутренний голос говорит фигурке: Иди, иди сюда, иди в голову, там тебе одиноко. Фигурка озябшая, неприкаянная, входит в голову, и тут я чувствую, что пальцами сжимаю виски. Оказывается, я заснула. Рядом тетрадь и ручка. « »

Я вошла в коридор дома-замка с переходами, коридорчиками, отделениями, большими залами в башнях, и жили там люди, которые придумывали разные тексты. Кто полулежал, кто сидел, опустив голову, кто в задумчивости стоял. В этом замке лил искусственный дождь, гремел гром, пролетали прозрачные звери. И временами теплело. Хозяин дома-замка посмотрел на меня, и сразу же стало понятно, что он человек-поэт. Большие глаза поэта блестели. Я села напротив него, чтобы ловить каждое слово. Поэту это понравилось, и он все время смотрел на меня.

— Здесь все создают свои миры. И главное, чтобы эти миры были отпечатаны на машинке.

Идем с А. дальше. Спускаемся вниз к парку. Помню, я тогда страдала от тоски по земле. По запахам и звукам детства. Стих про Сибирь написала.

Сибирь моя! Слышится снова
Скрипенье калиток в ночи.
Ребенка когда-то родного
Возьми к себе и приручи.
И в бане старухи с крестами
Близки мне, и погреба сырость.
И кладбище там за мостами,
Где милое сердце не билось.

Милое сердце моей прабабушки. Она тогда уже умерла. А бабушка еще жива была. Анастасия Ивановна, по последнему мужу Буденная, в девичестве Григорьева. Он погиб на войне. Оторвало обе ноги. Маме был неродным отцом. А родной отец мамин тоже так же погиб на войне за год до гибели отчима, Костя Бульченко. Моя бабушка жила в Ишиме на моем дорогом Речном переулке. С детством ранним мне очень повезло в этой жизни. Я подрастала в райском саду. Запахи, они наполняли мое сердце блаженством. Там запахи распадаются на множество составляющих и уводят в свои миры. Напоминают непостижимое. Сирень пахнет каплями росы, счастьем. Еще большим счастьем пахнет тополиный пух. Летом он собирается в уголках двора мягкой скатертью. Я беру его в ладони и подношу к лицу. Бабушка Тася очень любила цветы, и они отвечали ей взаимностью. Гладиолусы. Георгины. Анютины глазки. Все цвело и радовало глаз. Бабушка уходила на работу. Работала фельдшером. Мы с бабой Анной оставались одни. Она плела половички из разноцвет-

ных кусочков материи. Старое белье разрывается на полоски. Полоски сплетаются в косички. А потом эти косички заплетаются в круг, пришиваются друг к другу. Еще она всегда пела частушки, песенки. Она очень любила Пушкина. Была неграмотная. Мама научила ее читать. Баба Анна выучила наизусть всю поэму «Руслан и Людмила» и по памяти мне ее рассказывала.

Сели на пенек в парке, и я сама начала уже дальше читать вслух из моего ненаписанного романа. Романа? Это же повесть? Да нет, это рассказ. А в чем разница? Я не училась в литинституте.

Больше всего я боялась, что выгонят из волшебного дома, но он меня оставил и даже предложил быть старостой, от чего я в страхе отказалась. Люди-фигурки передавали друг другу ценность – напечатанный нелегально в самиздате сборник стихов Н. Гумилева.

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Н. Гумилев «Волшебная скрипка»

А за стенами дома плакаты, демонстрации, собрания, что-то непонятное и жуткое. Иногда плакаты появлялись и в доме, от них не было спасу и там. Даже полка шкафа оказалась заклеенной тоненькой полоской бумаги, на которой красовался кричащий лозунг. Империя правит человеком.

Человек-поэт сказал: «Что они совсем с ума сошли, – и засмеялся. Плакаты исчезли, и полились искусственные дожди. »

Мое Высшее «Я»

Я закрыла глаза. Она прошла, божественна и совершенна. Кто это? Красивее ее, тонкой и светлой, в легких одеждах, никого не было на свете. Мысль, что мне никогда не быть такой, промелькнула в сознании. Она подняла голову выше, и, присмотревшись, я узнала в ней себя. Тогда я подумала, что это моя смерть. Но позже мне были даны знания о моем Высшем «Я». Когда играла скрипка, неземное тело отделялось от земного и улетало в пространство. Музыка умолкала, а тело тащилось по городу, чужое и ненужное мне.

Я отложила листочки и подумала о том, что я свое Высшее «Я» видела несколько раз. Оно всегда прекрасно.

В зеркальном доме

Мы сидели за продолговатым столом и переставляли шахматные фигуры на доске, кидались ножами, играли на скрипках. Так проходил вечер. Больше всего мне нравилось слушать шумы словодождей. Однажды он сел рядом, и его колени касались моих. Черные джинсы, отстроченные белыми нитками по бокам, приблизились к моим ногам как бы случайно. И я почувствовала, как искра прошла по всему моему телу.

Человек-поэт пригласил меня на семинар. В доме народного мыслетворения собрались молодые играющие в слова. Вначале было общее собрание, потом все разошлись по комнатам. Человек-поэт в свитере с кленовым листочком восседал во главе стола. Я радовалась миру, людям и главное – тому, что он напротив меня и можно видеть его вот так близко целых пять часов. Когда мной были прочитаны мои стихи, учитель сказал присутствующим: «Ну вы, наверное, поняли, что И. незаурядный поэт. »

Сон про человека в черном костюме

Облокотившись на перила, стоит человек в черном костюме, но у людей не бывает таких глаз. У него нет зрачков, а все глазное яблоко темно и светится неестественным блеском. Мы беседуем. Потом в ярких красках в нежном воздухе я бью моего нового знакомого палкой, прогоняя от себя, потому что он не человек. Углегазый исчезает. Мельтешение прохожих. Я бегу по коридору и спрашиваю: «Вы не видели странного мужчину с черными углями вместо глаз? ».

– Где ты? Вернись!

Зачем он нужен мне, я не понимаю, но чувствую, что без него уже не могу.

На работе

Анна Ивановна, блокадница, про которую злые люди говорили, что она съела ребенка, хранила в ящике своего рабочего стола черно-белое фото, разрисованное фломастерами. И там же было обнаружено завещание – поместить это фото на памятник после ее смерти.

Разбор моих стихов в зеркальном доме

О, этот разбор моих стихов в волшебном замке. Конечно, с меня сбили эго. Поэтесса Даша, тургеневская девушка с небесными глазами и русыми волосами, окруженная молодыми умниками, сказала с усмешкой: «Гениально». Это «гениально» так ранило меня, что я проносила его с собой в сердце долгие годы. Она была загадочная, красивая, развитая не по годам, но не понимала, что ей с ее темпераментом нельзя подражать Марине Цветаевой. У Марины ритмика идет от переизбытка чувств и энергии внутри, от задыхания от любви. А у Даши другой темперамент. У нее все идет от ума. И любви вселенской совсем не хватает. Почему я все понимаю у Марины и ничего не понимаю у молодой поэтессы? Мы встретились с ней уже после ее смерти в тех мирах, куда я пришла ненадолго в гости. Сидели на деревянной скамейке. Она обнимала меня. И я обнимала ее. Мы плакали. А тогда сочинительница смотрела свысока своего раннего развития. Молодой человек в бархатной попоне «под кня-

зя», влюбленный в поэтессу Дашу, сказал поучающе:

– Поэзия – это та же игра в шахматы!

Я молчала, как всегда, и ничего не выставила в ответ, никаких своих солдат возражения. Они все спали мертвым сном в глуши моего сознания. Для меня поэзия – это блуждание по улицам, переход в другие состояния, накапливание энергий и взрыв. Шри Ауробиндо писал про поэта: «Он устремляет взор в те сферы, которых не достигает зрение поверхностного ума, и находит слово – откровение, не просто точное и действенное, но озаренное и озаряющее, вдохновенное и единственно верное слово, которое заставляет прозреть и нас. Я думала: «Как можно так много писать, как пишет поэтесса Даша. Она сочиняет очень умно, туманно и непонятно. Как, впрочем, и многие – почти все здесь. Туманы, туманы. Отравляющий воздух туманов. Он стал накапливаться. От него можно избавиться только, придя домой и открыв томик Пушкина, Лермонтова, Блока – певца туманов. Но больше всего меня обидел новый пришедший. Он сказал: »

– Вот я сижу здесь и думаю про себя: «Знай свое место. » Это «знай свое место меня доконало. Я его так и зову. » «Знай-свое-место. »

«Знай-свое-место не знал, что поэзия – это как раз способ прийти в свое изначальное Богом данное тебе место. В перерыве все пошли курить. Со мной никто не общался. Когда продолжилось обсуждение, в конце человек-поэт взял слово.

Он сказал, что стихи еще не сделанные. »

– Но посмотрите вокруг, как много бездарных сборников издается. А тут есть свое лицо, своя интонация и много замечательных строк.

Когда все закончилось, я спустилась в раздевалку вниз по лестнице. Наверху слышалась музыка с вечера танцев. Танцевала рабочая молодежь с нашего завода. Веселый ухарь в красной рубаше, подошедший к гардеробу, радостно воскликнул: «Наконец-то я увидел хоть одну красивую девушку здесь, девушка, пойдемте танцевать. Это было мне небольшой компенсацией за моральный ущерб. Тут прибежала женщина-садовница и сообщила мне, что они где-то собираются в ресторане и что человек-поэт хочет, чтобы я была там с ними. Он поручил ей меня привести. »

– Я никуда не пойду.

Я заметила, что рядом стоит «знай-свое-место и оцени-вающе, с удивлением на меня смотрит. Сейчас думается, что нужно было пойти тогда на танцы, чтобы закружил тебя вихрь простой жизни, и шутить с ухарем в красной рубашке. Нет. Я шла по улице убитая. Слезы. Вначале они потекли чуть-чуть. Потом уже хлынули потоком. Горькие слезы унижения. »

Я подходила к метро. И вдруг увидела, что в сторонке стоит А. С. Пушкин. Его маленькая фигура выделилась на фоне тополей. Он почтительно снял шляпу и произнес:

Поэт! не дорожи любовью народной.

Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

На работе

В нашем отделе работают странные люди. Вот заведующая отделом, например, зашла в закуток, задернутый тканями, и стала смотреться в зеркало. Она думала, что ее никто не видит. Но я-то видела ее отражение в зеркале с высоты своего рабочего места. Ее лицо вдруг странно исказилось, и она стала высовывать уродливо свой язык, трясти им, подмигивать. Ужас. Я испытала легкий шок. Потом заведующая вышла как ни в чем не бывало. Она делает мне замечание, когда увидит на моих коленях томик Пушкина. С радостью жду, когда наступит среда. После работы опять выхожу на Обводный через мостик. Немного гуляю, чтобы не приходить совсем рано.

У дворника

Я не хотела идти. Меня утащила садовница-сочинительница, которая говорила, что будет выращивать сад, и восторгалась своими будущими георгинами. Они мне представлялись без музыки, и казалось странным, что у меня больные нервные руки, а она будет выращивать цветы. Хозяин жилища – дворник, уволенный с работы врач, – ходил по своей огромной квартире. Котельщик, староста волшебного дома, шахматист, восторженная дама смотрели, как человек-поэт, сидя во главе стола, отпускал в пространство стаю слов. Меня почему-то трясло. Я старалась запомнить каждое его слово для потомков, но не смогла. Боялась, что мое тело убежит и я останусь ни с чем. То вдруг начинала опасаться, что тело мое будет сидеть со мной, а неземного образа не будет. Огромные глаза бога сияли. Хозяин дома стал говорить о сексе, поэт-человек поддержал его беседу. Но я ничего не поняла. Потом дворник стал раздавать всем свои фотографии и сказал, что от него ушли две жены и сейчас он живет с собакой. Поэт-человек целовался с зеленым змием. Я думала: «Зачем он это делает, так можно заболеть. Вдруг с ним что-нибудь случится. Тогда... Мне не представить жизни без него». Тут поэт встал, улыбаясь, прошел мимо стола и заявил присутствующим, что он будет принимать ванну. Я удивилась, но потом подумала, что у них, наверное, так принято –

принимать ванну в гостях. Сразу же все потемнело, изменилось, слова зазвучали тягуче-вяло, непонятно. Это потому что его с нами нет. И пространство бессмысленно и ненужно. Озираясь, я стала подумывать о том, как бы уйти. Но хозяин-дворник открыл дверь и заявил: «И., учителю плохо, он просит тебя прийти к нему». Подумав, что он умирает и хочет попрощаться (какая честь), я встала и вышла вслед за хозяином.

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Н. Гумилев «Волшебная скрипка»

Его музыка разливалась над миром, над космосом, касалась вещей, одежды. И все говорило: «Вот идет артист, музыкант, мастер». Но так как она была не похожа на мою, то немного пугала меня.

На работе

Моя ровесница, молодая сотрудница, перешила свой защитный рабочий халат. Он сидел на ней великолепно и не болтался, как мешок. Сотрудницы сказали: «Вот у нее талант, от которого есть выгода. А какая польза от твоих талантов?». Они имели в виду мои стихи. Ведь они были напечатаны в заводской газете, и весь отдел их читал. Учитель сделал публикацию. Я им ничего не сказала, но про себя произнесла заносчиво слова Пушкина: «Чернь, печной горшок тебе дороже ».

Город из сна

Тот город из сна я описать не могу, т. к. мало что помню. Его улицы вырисовываются в моей памяти и опять стираются. Городской вокзал очень красив. Напоминает замок в стиле барокко, если ориентироваться на здешние понятия. Река коричневого цвета. Над рекой мост с тоннелем внутри. В одном из снов меня задержали, не пустили на берег. Потребовали пропуск. Пришлось проснуться. Там много интересно. Есть и многоэтажный, устремленный в высь дом. Я всегда знаю во сне, что могу походить в просторном светлом холле, весело поговорить с жителями, посидеть в кресле, подняться на лифте, даже подойти к квартире, постоять и, если хватит смелости, нажать на кнопку. Но могу ли я войти в квартиру? Чаще всего – нет. А если такое случается, что я туда попадаю, то, выйдя, теряюсь на улицах сна, на его знакомых и незнакомых площадях. Возвратиться назад я могу только в следующем сне, который приснится неизвестно когда. Вот и сегодня после долгого перерыва я поднималась по лестнице. С каждым шагом ноги мои становились все тяжелее. Я остановилась перед приоткрытой дверью. Больного охраняла какая-то женщина. Я знала, что должна быть рядом, но преодолеть это пространство не нашла в себе сил.

Он встал с постели и подошел к двери, что-то почувствовав, но подружка попросила его лечь и закрыла дверь, но пре-

одолеть это пространство не нашла в себе сил.

А тогда

В маленькой комнате с тяжелыми портьерами, красным ковром на полу в самом углу на тахте возлежал человек-поэт и улыбался. Совсем близко напротив стояло кресло. Я села в него и застыла. Наступила минута молчания. Сияя своими огромными, странными от зеленого змия глазами, облокотившись рукой на голову, как великолепный артист, он спросил меня.

– Зачем ты пришла сюда?

– Как зачем, – я возмутилась, – разве вы не звали меня? Мне сказали, что вам плохо, но я могу уйти.

– Нет, ну-ну.

Развалившись картинно, выдвинув руку вперед, он говорил, что ему действительно плохо, что он устал, очень устал и что я это скоро пойму почему-то. Я вцепилась в ручки кресла и сидела в боевой готовности отразить атаку. Смотрела на его ботинки, которые стояли рядом с кроватью, ботинки бога, что сняты и валяются просто так. Понимая, что происходит что-то значительное, трясаясь от страха, я думала: «Зачем он устроил этот спектакль? Как грубо он испортил всю игру».

И чтобы остановить дрожь, я надулась и замкнулась. Вдруг в комнату вошел хозяин. Все внимательно оглядел и, кажется, чем-то довольный вышел. Я повернула голову и ста-

ла смотреть на тонкую занавеску в щель между портьерами.

– Как только я увидел тебя, сразу понял – это талант, как под призмой просветилось. Только не связывайся с теми...

Потом он говорил еще что-то о нашей схожести. Мне вспомнился стих Николая Рубцова:

Он говорит, что мы одних кровей

И на меня указывает пальцем.

А мне неловко выглядеть страдальцем.

И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.

– Тебе сколько лет? Семнадцать?

– Нет.

– Шестнадцать?

– Нет.

– Ну не пятнадцать же?

– Мне уже восемнадцать с половиной, почти девятнадцать.

Изумлению его не было предела.

– Почти девятнадцать? Я думал – гораздо меньше. Кроме меня, тебе никто не поможет. Помог и ты мне. Я уже который месяц не могу уснуть.

Тут он резко привстал и сделал движение вперед. И в то же время я оттолкнулась и забила в самый угол кресла. Вот и все. Затем он стал надевать носки, предоставив мне счастливую возможность наблюдать за божественными облачениями. В кресле с ним я оказалась, не понимая как, выйдя из маленькой комнаты в зал и не обнаружив там ни-

какой компании, все ушли почему-то. Остался только хозяин – несостоявшийся врач – и садовница. Полубог целовался с зеленым змием и просил:

– Не злись.

Я отвечала:

– Я не злюсь.

– Нет, ты злишься.

– Нет, я не злюсь.

Хозяин и садовница говорили о чем-то бурно и горячо. Она сказала: «Да, это было все раньше, но теперь я стала монашкой, да, стала монашкой». Дворник закричал, чтобы она не злила его. Человек-поэт налил мне в стакан какой-то белой жидкости. Я выпила и ничего не почувствовала. Он посмотрел в рюмку, потом на меня и округлил глаза. Потом он целовал мне шею и разглядел, что у меня что-то красиво сложено. Я же сидела как чурбан. Когда зеленый змий овладел им полностью, он стал курить и тушить окурки о мои новые вельветовые брюки. Я отодвинула его руку и предложила ему тушить о свои.

– Трудно нам будет потом, – произнес он исторические слова. – У тебя появятся новые увлечения.

Я удивилась такой мысли. И подумала, что у меня-то не появятся. А вот у богов всегда появляются. Он посмотрел на меня и ответил на то, что не было сказано.

– И у меня появятся. А ты, оказывается, еще совсем ребенок. Но Бэлла ребенок хуже тебя. Она бы не стала вот так

сидеть.

Кто такая Бэлла – я так и не узнала.

Он поцеловал меня. Это был первый поцелуй в моей жизни.

– Не один вы такой, – выдала я очень умную мысль, когда он встал с кресла и пересел на диван. Богочеловек окинул меня долгим взглядом и сказал:

– А может быть, один.

Дворник с экстенсивной дамой опять спорили о чем-то. Она сообщила, что стала чистенькая. Он закричал, что не станет с ней спать. Садовница что-то ему ответила, и он ударил ее в лицо.

– А зачем она меня злила.

На зеленом ковре разлилась кровь. По моей просьбе хозяин-дворник принес белое вафельное полотенце. С ним на голове несчастная садовница и удалилась. Дворник же нервно ходил туда-сюда. Потом он несколько раз выключал свет и кричал что-то неприличное. Наконец он разозлил человека-поэта, и тот ударил его кулаком в лицо. Бывший врач заплакал, закрыл голову руками и умолял, чтобы его не били. Но человек-поэт уже не замечал его. Он, целуя меня в шею, сообщил, что сейчас закажет такси и мы поедем куда-то. Затем, почти не держась на ногах, наклонился вперед, развел руки в стороны и выдохнул:

– Ничего, мы еще летаем, коммунисты проклятые.

В таком состоянии я и оставила его. Да простит меня Бог.

Через неделю он встретил меня в волшебном доме с совершенно серьезным лицом. Началось долгое познание жизни. Заиграла скрипка недомолвок, обид, взглядов, ревностей, противостояний.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,

Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад и когда горит восток.

Н. Гумилев «Волшебная скрипка»

В странном зеркальном доме

В странном зеркальном доме каждый летает на своей планете. Моя планета – это сад, в который бы хотелось возвратиться. Сад моего детства. Пакетные люди превращают друг друга в буквы, запечатывают в пакеты и отправляют в разные стороны. Человек-поэт начал смеяться и разрушать мои представления о мире, которые были даны в обрабатывающей школе. Мои штампы, вдолбленные в голову в школе, были разбиты. Постепенно прививался хороший вкус.

Я заболела чем-то странным. Каждый миг я думала о нем, жила одной надеждой увидеть его, и когда это происходило, была счастлива. Моя энергия отдавалась ему через листочки со стихами, которые я приносила.

А он?

Глядя в окно, он сказал:

– Когда я умру, наконец.

Я сделала вид, что не услышала, не поняла.

Как будто рвущихся коней,

Свои я сдерживаю страсти.

Лишь посмотрев на вас грустней,

Скажу презрительное: «Здрасте».

Люблю, люблю еще сильней.

Как будто душу рвут на части.

Как будто рвущихся коней,

Свои я сдерживаю страсти.

И оброненная в канал

Огней качается стена.

В большой и сладостный провал

Моя душа погружена.

Я долго брожу по городу. Цель моя – найти поэзию. И я ее нахожу. Вначале все меня удручает. Я чувствую духоту и лживость окружающего. Империя правит человеком. Реальность нависает скукой подавления. Стараюсь преобразовать этот вид города. Получается. Вдруг откуда-то спускается музыка, и все изменяется. Музыка становится все громче и громче и вдруг захватывает меня. Я счастлива. Все изменилось вокруг. Написан стих.

Моя частичка бродит по городу в одиночестве и грусти. У Эрмитажа на нее нашло вдохновение и родился стих:

Плетусь. Все люди заняты собой.

А на зелено-голубом дворце

Спит юноша, не совершивший бой,

И девушки с поэзией в лице.

Я обращаюсь к статуям, прося,

Улыбку, слово, тайну хоть одну.

Но, равнодушно взоры пронося,

Они глядят куда-то в вышину.

А под ногами снова грязный снег.

На улицах трамваи, толкотня.

Сегодня я опять несчастней всех.

И эта жизнь течет не для меня.

На работе

Девчонки часто куда-то выходят на перерыв. А я сижу на месте. Я любопытствовала, куда они ходят. Оказывается – в туалет на перекур. Я решила, что мне тоже нужно начать курить. Попробовала. Не очень понравилось. Но зато теперь хожу с ними.

Я гуляла по городу в поисках стихов и иного неба. Меня сопровождал то Александр Блок, то Анна Ахматова, то Александр Пушкин. Помню свой день рождения. В гости пришли подруги-одноклассницы в комнатку в общежитии рабочем. Мы гадали и вызвали дух Анны Ахматовой. Дорогая Анна Андреевна прочитала свои стихи, не знакомые мне. И сказала, что останется со мной.

– Но только не жди помощи в стихах.

Я и не ждала. Это было счастливейшее событие. Я чувствовала ее. И ощущала что-то похожее на катарсис. Она осталась и часто сопровождала меня в прогулках.

Я решила уйти из волшебного дома. Когда я посмотрела на него из коридора (а он стоял в окружении людей у стола). Мой взгляд был долгий, запоминающий. Он подумал, что я хочу пойти навстречу. Но я про себя говорила: «...со всеми ними. Я уйду. Хватит. Я начну свою новую жизнь».

Вскоре поступила в обрабатывающий институт и перебралась в студенческое общежитие.

Преподаватель, расставив ноги и выбросив руки вперед, кричал:

– Никому ничего не нужно. Весь пройденный путь поэта никому не нужен – кризис концепции героя и кризис концепции поэзии. Тройная катастрофа. Выход – поэма «Владимир Ильич Ленин».

Коридор студенческого общежития заканчивался окошечком, закрытым железной решеткой. В самом конце коридора синела ободранная дверь в нашу комнату. Внизу была курилка. В коридоре то фотографировали, то пели, то танцевали.

Прошло два года. Мне стали сниться сны.

Из дневника

Мне приснилось, что он умер. Помню ужас и облегчение от того, что это сон.

Из дневника

Который раз снится этот сон. Он всегда в окружении людей, а я смотрю со стороны и знаю, что мне там места нет.

Из дневника

Мне снилось, у него незнакомые люди. Он пьян и на грани жизни и смерти. Помню пистолет и кровь. Какая-то женщина.

Рано утром при пробуждении мне пришла в голову мысль: «Нужно идти туда – в волшебный дом».

Собралась с силами и пошла по дождю в люминесцентных лампах вечера.

– Почему вас так долго не было? – спросил приближенный Ан-р.

– Два года – разве это долго?

– За это время мы успели умереть и родиться вновь.

Почувствовала, что он узнал меня со спины. Он был уже не тот. Он не так четко говорил и не слышал. Ему писали на листочках. Что случилось?

Он болел. Очень сильно.

И все было другое. Другие люди. Но эти другие мне нравились больше. Они проще и естественнее мне показались. Тот состав он разогнал, как оказалось.

«Во время ночного перехода проводник потерял путь. Я нашел после поисков Христа, сидящего на песчаном холме и смотрящего на пески, залитые луною. Я сказал: „Мы потеряли путь. Нужно дождаться звездного положения“».

– Расул М., что нам путь, когда вся земля ждет нас.

Взяв бамбуковую трость, Он очертил квадрат вокруг его следа, прибавив: «Истинно говорю – ногою человеческою». Потом, отпечатав ладонь, также заключил ее в квадрат: «Истинно, рукою человеческою». Между квадратами Он начертил подобие колонны и покрыл как бы полусферой.

Он говорил: «О, как ОУМ проникнет в сознание человеческое. Вот я сделал пестик и над ним дугу и заложил основание на четыре стороны. Когда ногами человеческими и руками человеческими будет поставлен храм, где процветет заложенный мной пестик, пусть моим путем пойдут строители. Почему ждем пути, когда он перед вами». И, встав, тростью смешал начертанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.